

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

THESIS

УДК 130.2

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-1-145-149

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В ГЕНЕЗИСЕ ФИЛОСОФИИ ЕВРАЗИЙЦЕВ

THE ROLE OF CULTURE IN THE GENESIS OF THE PHILOSOPHY OF EURASIANS

М.В. Волков**M.V. Volkov**

Южный Федеральный университет,
Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Southern Federal University,
160 Pushkinskaya str., Rostov-on-don, 344006, Russia

E-mail: maxim.volkov@mail.ru

Аннотация

В статье проводится анализ роли и места культуры в доктрине классического евразийства, сложившейся в 20-е годы прошлого века в кругу русской эмиграции. Объясняются причины пристального внимания евразийцев к культуре, которые высказывались о «примате культуры над общественностью». Оценивается роль географического фактора в осмыслении евразийцами русской культуры. Рассматривается место культуры в евразийской модели государственного устройства. В качестве слабых сторон евразийского взгляда на культуру России называются представление евразийцев о неевропейской природе русской дореволюционной культуры, а также их убеждение в существовании «евразийской» культуры как уже сложившейся в их время.

Abstract

The article analyzes the role and place of culture in the doctrine of classical Eurasianism that took shape in the 1920s in the circle of Russian emigration. The reasons for the close attention of Eurasians to culture, which even expressed a statement about the "primacy of culture over the public", are explained. The role of the geographical factor in the understanding of Russian culture by Eurasians is assessed. The place of culture in the Eurasian model of government is considered. The weak points of the Eurasian view of Russian culture are the Eurasian view of the non-European nature of Russian pre-revolutionary culture, as well as their belief in the existence of a "Eurasian" culture as already established in their time.

Ключевые слова: культура, русская культура, европейская культура, Евразия, евразийство, евразийское мировоззрение, месторазвитие, географический детерминизм.

Keywords: culture, Russian culture, European culture, Eurasia, Eurasianism, Eurasian worldview, development, geographical determinism.

Как мировоззренческое направление евразийство сложилось в 20-е годы прошлого века в кругу русской эмиграции. Трагедия революции и гражданской войны, оторванность от России стали основными поводами переживаний евразийцев, а главным предметом размышлений была судьба Родины. Важное место в этих раздумьях занимала проблема культуры. По мнению одного из основателей евразийства Н.С. Трубецкого, сфера культуры любого народа настолько всеобъемлюща, что «заключает в себя как один из своих элементов и политические идеи и учения», и, таким образом, весь государственный механизм [Трубец-

кой, 1995, с. 352]. Попытка создать политический строй, инородный местной культуре, как это было в царствование Петра I, а затем при большевизме, неизбежно приведет к торжеству рабства и милитаризма, подчеркивали евразийцы. Они были убеждены, что без коренного изменения всего культурного уклада и принятия его широкими слоями населения политический строй или новые политические идеи обречены на провал.

По мнению евразийцев, первоочередным является именно вопрос изменения культуры, «изменение же политического строя или политических идей (без изменения культуры) евразийством отмечается как несущественное и нецелесообразное» [там же, с. 352]. В письме к П.П. Сувчинскому Н.С. Трубецкой описывал идеал евразийского государства с «приматом культуры», где «главной задачей государства является не охрана имущества отдельных граждан, а организация культуры» [2008, с. 223] Н.С. Трубецкому вторит Г.Ф. Флоровский: «Я думаю, – пишет он, – что не ошибусь, если определю тот отправной пункт, из которого развивается вся система наших утверждений, как *примат культуры над общественностью*... Интеллигентская психология по-прежнему остается пораженной тем же нигилизмом, той же слабостью веры в samozаконность и самоценность культурного творчества... и если сама воля к культуре, воля к творчеству будет заслонена злобой дня, внутреннее обнищание и духовная гибель станут неизбежны» [1922, с. 123–133]. В более позднем письме Ю. Иваску от 8 апреля 1965 г. Флоровский пишет, что главным связующим звеном первого евразийского сборника «Исход к Востоку» было «отталкивание от "политики и политиканства" и перенос удара на темы русской культуры» [1922, с. 45]. В качестве одного из объяснений повышенного внимания евразийцев к культуре можно указать на то обстоятельство, что они – интеллигенты, гуманитарии, для них культура и духовность выше материального. Н.С. Трубецкой писал П.Н. Савицкому в 1936 г.: «утопия – это государство, построенное на материалистической морали» [2008].

Большое влияние на формирование мировоззрения евразийцев произвел кризис старого миропорядка (война; распад четырех империй: Российской, Германской, Австро-Венгерской, Османской; кардинальное изменение Европы после первой мировой войны). Евразийство стало одной из попыток русского национального сознания осмыслить причины катастрофы 1917 года и последовавшей за ней четырехлетней братоубийственной гражданской войны. Послевоенная нищета привела к разочарованию в демократии. Жажда реванша среди побежденных держав и неудовлетворенность результатами нового мира в Старом Свете сделали популярной идею корпоративного государства, которое распоряжалось всем, включая экономику и культуру (большое влияние в то время оказывали взгляды итальянского фашизма). Несомненно, большую роль сыграло осознание духовного кризиса Европы, что нашло яркое отражение в работе О. Шпенглера «Закат Европы», вышедшей в мае 1918 г. Состояние эмиграции, в котором находились евразийцы, актуализировало вопрос о самопознании как условия выживания и развития русской культуры в чуждой и зачастую враждебной ей среде. Еще одним моментом, повлиявшим на формирование идеологии евразийства, было увлечение Востоком и его культурой как в среде русской, так и европейской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв.

Будущее России, по мнению евразийцев, было связано с судьбой русской культуры, носителями которой являлись как эмиграция, так и народы бывшей Российской империи. Сохранение и преумножение культурного наследия – так видели свою главную задачу евразийцы. В письме П.П. Сувчинскому Н.С. Трубецкой проводит аналогию участи русской эмиграции с судьбой польской эмиграции после подавления восстания 1831 г. и отмечает их поразительное сходство. Это все та же «бессмысленная партийная грызня, те же попытки делать какую-то польскую политику за границей, те же ни на чем не основанные надежды на иностранную (французскую!) интервенцию, те же неудачные опыты организации заговора из-за границы. Даже до мелочей: например остатки польской армии, успевшие бежать за границу, попали во Францию, где жили на нищенский паек от французского правительства... Но в этой иммиграции были Мицкевич, Красинский, Словац-

кий. Они не участвовали в партийной грызне, не делали политики. *Они занимались своим делом, – работали на польскую культуру... они не дали погаснуть факелу польской литературы и культуры*. [Трубецкой, 2008, с. 47–48]

Работа на русскую культуру, причем в первую очередь среди эмиграции, – главный императив деятельности евразийских интеллектуалов. По мнению Н.С. Трубецкого русская эмиграция являет собой «стадо без пастыря», духовная пища которого «ужасна». Евразийство должно дать здоровую духовную пищу как интеллигенции, так и простому обывателю. Культурно-просветительскую работу надлежало осуществлять через печатную продукцию, и необходимо, в первую очередь, «не исследование (научная работа), а пропаганда» [Трубецкой, 2008, с. 46]. Причем пропагандистская деятельность должна осуществляться не через партии, а через православные эмигрантские приходы. Подлинные духовные ценности, по мнению Н.С. Трубецкого, способна создавать и транслировать только национальная культура, в то время как «интернациональная культура безбожна и ведет только к созданию новой Вавилонской башни; множественность языков (и культур) установлена Богом для предотвращения новой Вавилонской башни» [Трубецкой, 2008, с. 51]. Большое количество культур необходимо, это признак здоровья человеческой цивилизации.

В 1926 г. Н.С. Трубецкой поставил себе цель написать трактат о «примате культуры», из этого тезиса он собирался «дедучировать всю нашу политическую идеологию» [Трубецкой, 2008, с. 212]. Данный трактат вышел в печать под другим названием – «О государственном строе и форме правления». В этой работе применяется термин «идеократия», под которым понимается отбор правящего слоя на основе преданности общему мировоззрению, общей идее, а также подчеркивается необходимость формирования соответствующей политической культуры. Н.С. Трубецкой давал следующее определение культуры: «...Культура есть исторически непрерывно меняющийся продукт коллективного творчества прошлых и современных поколений данной социальной среды, причем каждая отдельная культурная ценность имеет целью удовлетворение определенных (материальных или духовных) потребностей всего данного социального целого или входящих в его состав индивидов» [Трубецкой, 1995, с. 329].

Основная линия анализа культуры, используемая евразийцами, заключается в противопоставлении национальных культур с одной стороны и западноевропейской культуры, которую часто называют «общечеловеческой», с другой. Под национальной культурой Н.С. Трубецкой понимал культуру отдельно взятого народа, будь то русского, татарского, осетинского и т.д. Тем не менее евразийцы говорили о некоей общей «евразийской культуре», свойственной евразийскому месторазвитию, то есть некоей цивилизационно-географической общности, которую они представляли живым организмом, симфонической или соборной личностью. Это не удивительно, так как для Н.С. Трубецкого народ всего лишь «этническая, в конечном счете, биологическая особь» [Трубецкой, 2008, с. 439]. Цель народов, населяющих пространство Евразии, состоит в совместной работе «над созданием одной и той же культуры или одного и того же государства» [Трубецкой, 2008, с. 441]. Таким образом, *евразийцы подчинили культуру географическому фактору*, причем понимая, что общеевразийской культуры нет, они возложили на государство создание этой культуры и цивилизации. В СССР подобной задачей занимался Народный комиссариат просвещения, который созидал новую, советскую культуру. Эта культура не получила одобрение евразийцев, так как она была основана на марксизме, то есть сугубо западноевропейском мировоззрении. Она материалистична, насаждается грубой силой и принуждением, отрицает религию и борется с ней, испытывает презрение ко всему русскому, русской истории, русскому патриотизму. Евразийская же культура должна быть религиозной, основанной на духовном начале, то есть Православии, и представляющей собой органичное соединение всех культур Евразии на базе русской культуры. В идеале евразийская культура возникает добровольно без принуждения, насилия, шовинизма и ассимиляции, и базой для нее должно послужить евразийское мировоззрение, в котором духовное начало доминирует над материальным.

В культуре Н.С. Трубецкой главное место отдает духовной стороне, при этом основной акцент делает на религию. Попытка заменить духовную сторону культуры на материальную «приведет к моральному одичанию» и развитию личного эгоизма и вражды в народе. Такая ситуация наступает при попытке навязать интернациональную, общечеловеческую культуру-цивилизацию, под которой Н.С. Трубецкой подразумевает светский западный гуманизм, будущую культуру массового потребления [Трубецкой, 1995, с. 332]. Наличие большого количества национальных культур, по его мнению, так же естественно, как и реальность общения народов на громадном количестве национальных языков. Попытка объединить культуры всех народов в одну интернациональную, общечеловеческую цивилизацию равноценна созданию одного языка для всего человечества. Результатом такого эксперимента будет деградация и обеднение рода людского, и это «богопротивно и греховно». Само по себе христианство выше рас и культур, но оно не нивелирует и не упраздняет многообразия последних [там же, с. 335]. Культура, будучи продуктом развития человеческого духа, «подлежит историческим изменениям, законам эволюции, и прежде всего законам дробления» [там же, с. 336]. Попытка объединения национальных культур в некую единую аморфную массу (как это мы наблюдаем в эпоху глобализации), связанную «западными ценностями», приведет, по мнению евразийцев, с одной стороны к падению морали и нравственности, некогда свойственных традиционным обществам, а с другой – к обезличиванию и унификации.

Дискуссионным является поднимаемый евразийцами вопрос о природе русской дореволюционной культуры. Правы ли евразийцы, доказывающие ее инаковость и отличие от европейской культуры? Примечательны откровения Н.С. Трубецкого в переписке с П.Н. Савицким в 1930 г.: «Существует ли та русская культура, для которой мы думали работать?... Каждая доходящая оттуда печатная страница убеждает, что там уже возникла новая культура, не имеющая с нами ничего общего... *та культура, в которой выросли мы, – плод европеизации русской духовной культуры...* Мы к новой пролетарско-русской (или, если хотите, пролетарско-евразийской) приобщиться не можем, и те ценности, которые мы создали, в нее не войдут. Эти ценности принадлежат доживающей свой век, но, в общем, явно уже обреченной на гибель (за отсутствием продолжений) *реликтовой дореволюционной европеизированной русской культуре*» [Письма..., 2008, с. 335–336].

Таким образом, сам Н.С. Трубецкой в 30-е гг. XX века отказался от высказанных им ранее идей о неевропейской природе русской дореволюционной культуры, назвав ее «*плодом европеизации русской духовной культуры*». Для зрелого Трубецкого европейско-русская культура является составной частью культуры общеевропейской, результатом развития древнерусской культуры, на которую большое влияние оказала Византия. Эпоха Петра I изменила культурный облик великороссов, но это не привело к кардинальному сдвигу в цивилизационном коде, так как Россия и до этого принадлежала к восточно-европейской цивилизации. До Петра I было сильно культурное влияние Речи Посполитой и Австрии, Петр только изменил и усилил вектор культурного влияния с центральноевропейского на западноевропейский: голландский, шведский и немецкий. Говорить о русской культуре как евразийской и родственной поэтому монгольской, бурятской, калмыцкой, татарской, казахской не правомерно. Спорным является и предположение о взаимосвязи и родстве культур на основе географического фактора, на котором евразийцы преимущественно и возводят здание евразийской культуры. Единство Евразии весьма условно, так как включает степь, лес, речные долины, предгорья, что предполагает и разные экономические уклады – земледелие, скотоводство, и разные культурно-историческую, языковую, религиозную традиции. Между монголами и русскими большая культурная пропасть, чем между русскими и испанцами, так как последних объединяет земледелие, христианская традиция, общность античного наследия, которое нам передалось через Византию. Данное противоречие в мировоззрении евразийцев проистекает из-за их чрезмерного увлечения географией и стремления разрешать все культурные коллизии на основе географического фактора – евразийского месторазвития.

Другим слабым звеном в культурологической концепции евразийцев было их убеждение в отсутствии общечеловеческих культурных ценностей. Евразийцы справедливо обращали внимание на существование множества культур и выдвигали тезис о самобытности всех культур, но декларируя, что культуры всегда национальны, евразийцы делали неверный вывод об отсутствии общечеловеческих основ культуры. В своих наиболее высоких и подлинных достижениях все великие культуры универсальны и сверхнациональны.

Главным субъектом, объединяющим в одно целое народы и связывающим в единое целое культуры и государства, у них предстает не раса, не культура, не религия, не народ, а само *месторазвитие* – это ключевой постулат евразийской философии. Этот постулат вызывал и вызывает весьма противоречивый спектр оценок и мнений. Оппоненты евразийцев, начиная с П.Н. Милюкова, Н.А. Бердяева, Г.В. Флоровского, указывали на излишнюю увлеченность последних географией. В представлениях евразийцев, писал Г.В. Флоровский, «подлинным субъектом исторического процесса и становления оказывается как бы территория, – даже не народы» [Флоровский, 1995, с. 369]. Иная оценка у Т.Н. Очировой. Она отмечает, что географический детерминизм евразийцев, в котором геополитическая модель культуры ставила «в центре своего внимания приоритеты, диктуемые особенностями пространственного расположения», был «принципиально новым в истории русской историософской мысли», и это, по ее мнению, было бесспорным достижением интеллектуального опыта евразийцев [Очирова, 1994, с. 54–55].

Список литературы References

1. Из писем о. Георгия Флоровского Ю. Иваску. 1979. Вестник РХД. № 130.
Iz pisem o. Georgiya Florovskogo YU. Ivasku [From the letters about. Georgy Florovsky Y. Ivascu]. Vestnik RKHD. 1979. № 130.
2. Очирова Т.Н. 1994. Геополитическая концепция евразийства. Общественные науки и современность. № 1.
Ochirova T.N. 1994. Geopoliticheskaya kontseptsiya yevraziystva [The geopolitical concept of Eurasianism]. Obshchestvennyye nauki i so-vremennost'. № 1.
3. Письма Н.С. 2008. Трубецкого к П.Н. Савицкому. В кн.: Соболев А.В. О русской философии. СПб., Издательский дом "Мир": 496 с.
Pis'ma N.S. 2008. Trubetskogo k P.N. Savitskomu. [Letters N.S. Trubetskoy to PN Savitsky]. V kn.: Sobolev A.V. O russkoj filosofii [О русской философии]. SPb., Izdatel'skij dom "Mir": 496
4. Трубецкой Н.С. 1995. Вавилонская башня и смешение языков. В кн.: Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М., Издательская группа «Прогресс»: С. 117.
Trubetskoy N.S. 1995. Vavilonskaya bashnya i smesheniye yazykov [The Tower of Babel and the Mixing of Languages]. V kn.: [Istoriya. Kul'tura. Yazyk History. Culture. Language]. M., Izdatel'skaya gruppa «Progress»: 117.
5. Трубецкой Н.С. 2008. Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928. М., Русский путь: 384 с.
Trubetskoy N.S. 2008. Pis'ma k P.P. Suvchinskomu: 1921–1928 [Letters to P.P. Suvchinsky: 1921-1928]. M., Russkiy put': 384 p.
6. Флоровский Г.В. 1995. Евразийский соблазн. В кн.: Мир России – Евразия: Антология. Сост.: Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Высшая школа: 399 с.
Florovskiy G.V. 1995. Yevraziyskiy soblazn [Eurasian Temptation]. V kn.: Mir Rossii – Yevraziya: Antologiya [World Of Russia – Eurasia: Anthology]. Sost.: L.I. Novikova, I.N. Sizemskaya. M.: Vysshaya shkola: 399 p.
7. Флоровский Г.П. 1922. Письмо к П.Б. Струве об евразийстве. Русская мысль, 43(1-2): 267–274.
Florovskiy G.P. 1922. Pis'mo k P.B. Struve ob yevraziystve [Letter to P.B. Struve about Eurasianism]. Russkaya mysl', 43 (1-2): 267–274.